

Григорий РЕЙХМАН

ВЕК ЮДЫ ВИНОКУРА

В декабре минувшего года автор книги "Моя жизнь" отметил свой вековой юбилей

Почти четыре года назад моя домашняя библиотека пополнилась мемуарами жителя Хайфы Юды Винокура - ее передал мне председатель комитета ветеранов местного "мик-башей-диюр" "Байт-Галин" Дмитрий Быстров. Прокомментировал скупое, как бывший военный: "Рукопись была подготовлена к печати пару лет назад. Никто не редактировал. Юда, несмотря на возраст, справился самостоятельно..."

И вот недавно - еще одно, второе издание этой книги, которое почти не отличается от первого, вышедшего в канун 97-летия автора. Ну разве что обложкой и несколькими добавленными фотографиями. Такой вот подарок сделал себе в канун векового юбилея ветерана войны и труда.

В предисловии автор определяет жанр своего повествования не как мемуары, а как "личная биография", написанная с единственной лишь целью - "чтобы мои дети и внуки знали, каким я был, кем был, что делал." И тут же добавляет, что главная причина - необходимость "сохранения памяти о себе": "Человек живет до тех пор, пока о нем помнят". Это действительно так.

Но все же позволю себе не во всем согласиться с автором. Эта книга - мемуары старого солдата, а не только "личная биография". "Написанные слова могут жить дольше гранитного памятника", говорит Юда Винокур, и его книга - исторический источник личного происхождения, дополненный отсканированными документами из домашнего архива (пусть даже где-то и подправленный умелым литератором, не нарушившим правками канву исторического повествования), а также памятник целому поколению воинов-евреев, достойно сражавшихся в горах Второй мировой войны, свидетелей Холокоста, тружеников в мирные дни и хранителей памяти о пережитом. Она, эта память, должна передаваться из поколения в поколение. В ней - великая правда о великой войне и Великой Победе, которую так боятся всевозможные ревизионисты и фальсификаторы истории...

...Начало войны уроженец штетла Черневцы (27 километров от Могилев-Подольска) Юда Винокур встретил главным механиком Кишиневского спиртотреста. "Моя мобилизация на фронт была оформлена необычно - без повестки военкомата..." Участь в Киевском институте пищевой промышленности, имевшем военную кафедру, он был аттестован командиром минометного взвода, в отличие от новобранцев, умел обращаться со стрелковым оружием, принял пехотный взвод. "Наше отступление было похоже на паническое бегство", - свидетельствует он.

В августе 1941-го "уже никто не верил, что отступление - хороший стратегический план заманивания врага вглубь территории страны... По дорогам, по которым мы ехали, бесконечным потоком двигались беженцы - женщины, дети, старики... В потоках беженцев я искал своих: жену с сыном, тещу и младшую сестру Раю, которых оставил в Кишиневе, а сам ушел воевать с фашистами." Его мучила мысль о том, что родные не успели эвакуироваться и могут быть расстреляны фашистами как "родные командира, да еще члена пар-

Обложки двух изданий книги - 2010 и 2013 годов. На обложке первого - Юда Винокур в первые дни войны, командир взвода. На обложке второй он в шинели на Кубани в 1943 году

тии". Тем более, что информация о зверствах гитлеровцев начинала доходить до советских войск. Заметьте: Юда Винокур и спустя 70 лет не выделяет в отдельную категорию беженцев-евреев, но мы-то, вооруженные знаниями истории, должны себе хорошо представлять, что именно для них-то эвакуация, бегство были единственным спасением от гибели в Холокосте, начавшемся уже 22 июня 1941 года с уничтожения именно советских евреев - носителей, как указывалось нацистами, "жидо-большевизма".

Главы книги дают возможность проследить не только маршрут отступления из Кишинева по карте - Тирасполь, Березовка, Каховка, Акимовка, Токмак и так далее, - но и представить, в каких условиях сражались войска. Командирам приходилось не только приказывать бить по самолетам из винтовок, но и стараться сохранить людей, "которыми так легко и бездумно разбрасывались в те тягостные и критические первые месяцы войны."

...Зима 1942-го. Донбасс. Оборона. Новое назначение - помначштаба батальона 990 стрелкового полка 230-й стрелковой дивизии. Большую часть времени Юда Винокур проводил не в штабе, а на передовой. "В те дни я говорил себе и тем, кто был рядом, что, удержав оборону на нашем участке фронта, наш батальон дал возможность выиграть время и какому-нибудь предприятию эвакуироваться вглубь страны". Автор не лукавит, не грешит против истины: "Страх был. Чувство страха - это рефлекс, заложенный природой, и говорит о том, что в человеке заложен инстинкт самосохранения. Вопрос только в том, кто кем руководит - чувство страха тобой или ты чувством страха". Ему удавалось побеждать его ежесекундно, вызывая огонь на себя, когда обращался с рупором к немцам с нейтральной полосы с призывом сдать в плен, подымал бойцов в атаки с ППШ и "лимонкой" в руках...

Сегодня историков, занимающихся проблематикой Холокоста на территориях бывшего СССР, не может не волновать вопрос: доходила ли до воинов Красной армии-евреев информация об уничтожении соплеменников по ту сторону фронта, на оккупированных нацистами территориях? Здесь не все столь однозначно. Так, автор мемуаров "От Черчи до Чикаго" 90-летний Михаил Миркин (Чикаго) отвечает на этот вопрос отрицательно. С фактами зверств нацистов в ходе освободительных боев под Сталинградом он не сталкивался, а о трагической гибели своих родных в Белоруссии узнал лишь после ее освобождения летом 1944 года.

До Винокура же доходила информация о массовом уничтожении еврейского населения в ходе зимних боев 1942 года, в районе Донбасса. Линию фронта на участке обороны батальона пересек перебежчик из Артемовска Сталинской (ныне - Донецкой) области Украины. Перед тем, как отправить его на допрос в штаб полка, Юда спросил его "о поведении оккупантов" и узнал, что "тысячи евреев загнали в карьеры и замуровали вход", что перебежчик "видел и повешенных".

"Можно было представить мое состояние после слов, услышанных от перебежчика. Я подумал, что жизнь человека получает от природы в подарок единственный раз. А фашисты отправляют в мир иной не просто так, а загнав в карьеры и замуравив вход". Подтверждение словам перебежчика Юда получил спустя целых 60 лет в Хайфе из уст бывших узников лагерей и гетто.

Печальное уточнение - от масштабного издания "Энциклопедии Холокоста на территории СССР", изданной РОССПЭН под эгидой Российского НПЦ "Холокост" (М, 2009). В статье об

Артемовске (с.38) говорится: "15.2.1942 года евреи (1224 чел.) были расстреляны зондеркомандой 4"б" у заброшенной выработки алебастровых карьеров"...

Листая страницы "личной биографии" Юды Винокура, пожалел об одном - далеко не все русскоязычные израильтяне знакомы с ней, поэтому не смогли увидеть события 70-летней давности на Северном Кавказе глазами лейтенанта Винокура летом-осенью 1942 года...

Июль 1942-го. Бои в окружении. Прорыв из района Донбасса - до Сталинграда. Юда Винокур стал командиром группы окруженцев. Он прекрасно сознавал, что ждет его в плену не только как командира, но, прежде всего, как еврея. Плена, хоть и кратковременного, избежать не удалось. Об этом впервые он и рассказал спустя 60 лет: показания в НКВД о самом факте пребывания в плену могли в те дни закончиться штрафбатом или расстрелом. После побега Юда закопал

Внук Яник - солдат Армии обороны Израиля

партбилет, что сыграло потом с ним злую шутку: "На фронте - и беспартийный?" В начале августа 1942 года измученный голодом и жаждой Юда добирался до Сталинграда. Изолятор "Смерша", и - направление на Северо-Кавказский фронт, в свою 37 армию, штаб которой находился в пригороде Нальчика.

Должность - помначштаба (адьютант) батальона 357-й стрелковой дивизии, линия обороны которого проходила на правом берегу реки Баксан, близ поселков Кизбурун-1 и Кизбурун-3. Наступать батальон не мог, вспоминает Юда: не хватало людей, боеприпасов, рассчитывать на поддержку артиллерии, танков и авиации не приходилось. Тем не менее, пишет Винокур, "батальон время от времени проводил наступа-